

Владимир С. Малахов

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ» В РОССИИ

Исходное допущение данной статьи состоит в том, что так называемая «национальная политика» представляет собой реликт советской эпохи. Это особая форма политического поведения, которое разворачивается скорее в символической, чем в инструментальной сфере. Иными словами, «национальная политика» в большей мере феномен политической речи, чем политической практики.

Для того чтобы понять специфику этого феномена, необходимо обратиться к тому институциональному и интеллектуальному наследию, которое досталось современной России от Советского Союза.

I

Парадокс «национальной политики» советской власти состоял в том, что, будучи ориентированной на формирование сверхнационального сообщества, эта политика культивировала и спонсировала этнонации. Свою задачу — слияние советских наций в новую историческую общность — коммунисты решали средствами, ведущими как раз к кристаллизации тех составных частей, от которых ожидалось растворение в будущей общности.

Хотя коммунистический проект предполагал культурную гомогенизацию населения, его сопоставление с американским проектом «плавильного котла» было бы не совсем корректным. Дело в том, что советская национальная политика не была нацелена на «нациостроительство», т. е. на построение нации-государства в том виде, в каком этот институт сложился в странах «буржуазной демократии». Общность, создать которую предполагалось по мере приближения к коммунизму, не дефинировалась как нация. Зато в качестве наций дефинировались входившие в Советский Союз народы. Отсюда официальное (и поддерживаемое снизу) определение советского общества как *многонационального*. Социокультурное пространство Страны Советов строилось как *мультикультурное* (при закреплении за каждой национальной

группой отдельной культуры)¹. Политическое же пространство строилось как иерархия национальных политических единиц (союзные республики, автономные республики, автономные края, автономные округа и автономные области)².

Россия стала наследницей СССР не только в формально-юридическом отношении. Она унаследовала от Советского Союза практику *институционализации этничности*, причем как на уровне организации политического пространства, так и на уровне классификации и идентификации населяющих его людей.³

Начнем с первого из выделенных уровней. России досталось от СССР федеративное устройство, при котором сочетаются территориальный и этнический принципы. В документах, учреждавших советское государство, провозглашались: 1) равенство и суверенитет всех народов России и 2) право этих народов на самоопределение, вплоть до отделения и образования собственного государства.⁴ Тот же принцип — организация государства в качестве союза суверенных «наций» — лег в основу договора об образовании СССР (12.12.1922).⁵ Несмотря на явную декларативность данного положения в условиях однопартийной диктатуры, он имел вполне ощутимые последствия. Государственные (или, если угодно, квазигосударственные) образования, выделенные по этническому признаку, воспринимались общественным сознанием как собственность той этнической группы, которая дала им имя. Это восприятие подкреплялось не только официальной риторикой, но и политическими решениями. Москва методично выстраивала иерархию обладате-

- 1 При этом слова «мультикультурный» и «мультикультурализм», разумеется, не употреблялись.
- 2 Об этнонационализме как основании политики коммунистов в отношении национальностей см.: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001; О Советском Союзе как «стране победившего мультикультурализма» см.: Воронков В. *Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 38–47.
- 3 Подробно об этом см.: Brubaker R. *Nationhood and the National Question in the Soviet Union and its successor states: an institutionalist account // Brubaker R. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 23–54.
- 4 Это, в частности, провозглашалось «Декларацией прав народов России», опубликованной 2 ноября 1917 г. Те же положения закрепил в 1918 году III Съезд Советов, который провозгласил, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободных наций, как федерация советских национальных республик». Данная формулировка фактически воспроизведена в тексте Конституции РСФСР 1918 г. Согласно статье второй Первой главы Первого раздела «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик». См.: http://www.constitution.garant.ru/DOC_85478.htm.
- 5 Конституцией 1936 г. СССР определялся как «союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (статья 13); глава 2 статьи 17 провозглашала, что «за каждой советской республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Это положение содержалось и в Конституции 1977 г. (статья 72 раздела II, главы 7).

лей этнической государственности и целенаправленно формировала этнические элиты («национальные кадры» и «национальную интеллигенцию»).⁶ На начальном этапе своего правления коммунисты особенно далеко зашли в поощрении «национального пробуждения». И хотя политика «коренизации» или «советизации на ста языках» спустя десятилетие была свернута, институты этнофедерализма продолжали укрепляться.⁷

К концу 1980-х годов в СССР насчитывалось 53 «национальные территории», а после его распада в Российской Федерации оказалось более 30 таких территорий.⁸

Второй уровень проблем, порождаемых институционализацией этничности, связан с использованием этнических критериев для классификации населения. С 1932 по 1998 год этническая принадлежность индивидов («национальность») фиксировалась в паспортах и могла иметь принципиальное значение для их доступа к социальным благам. Неудивительно, что этнические различия стали восприниматься в качестве главных и решающих в системе социальных различий. Приписываемая «этничность» (т. е. определяемая властью, а не самосознанием индивидов) была интериоризирована людьми и постепенно превратилась из внешнего идентификатора в часть самоидентичности. Отсюда произошла такая особенность российского политического мышления, как *методологический этноцентризм*⁹ — взгляд на общество как на конгломерат «этносов» («народов»). Этот тип мышления разделяется сегодня и массовым сознанием, и значительной частью интеллектуальных

6 Так, по Конституции 1936 г. союзные и автономные республики делегировали в Совет национальностей Верховного Совета по пять представителей, а автономные области — по одному. Правом на самоопределение «вплоть до отделения» обладали только союзные республики.

7 О политике «коренизации» в 1920-х, об отказе от нее в середине 1930-х годов и о своеобразном возврате к этой практике в 1960-е см.: Beissinger M. R. *Elites and Ethnic Identities in Soviet and Post Soviet Politics* // *The Post-Soviet Nations: Perspectives on the Demise of the USSR* / Ed. A. J. Motyl. NY: Columbia University Press 1992. P. 141–169.

8 Они были иерархически подразделены на республики, автономные округа и автономные области. По Конституции 1993 г. статус республик имели Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Коми, Ингушетия, Мордовия, Марий-Эл, Татарстан, Тува, Саха (Якутия), Северная Осетия, Удмуртия, Хакасия, Чечня и Чувашия; статусом автономных округов до недавнего времени были наделены: Алтайский, Агинский Бурятский, Усть-Ордынский бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский и Ямало-Ненецкий. Существует также Еврейская автономная область. Политика «укрупнения регионов», проводимая администрацией Путина, привела к ряду слияний. Так, в 2005 г. в результате объединения Коми-Пермяцкого АО и Пермской области возник Пермский край, а в 2006 г. Корякский АО вошел в Камчатскую область.

9 См. об этом подробнее: Малахов В. С. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб: Алетейа, 2002. С. 9–22; Malakhov V., Osipov A. *The Category of “Minorities” in the Russian Federation: Reflection on Uses and Misuses* (with A. Osipov) // *International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea* / Editor-in-Chief Sia Spiliopoulou Akermark. Marienhamn, Åland, Finland: Ålands Islands Peace Research Institute, 2006. P. 497–544.

и политических элит. Бывшему советскому человеку бывает трудно объяснить, что его или ее национальность не является чем-то врожденным. Еще труднее объяснить вчерашним советским людям условность связи между этничностью и территорией.

II

Точка зрения, которую мы обозначили как *методологический этноцентризм*, прочно утвердилась в российском публичном, включая академический, дискурсе. Она состоит:

а) в господстве эссенциалистских представлений об этничности; этничность понимается не как способ идентификации людей и элемент самосознания индивидов, а как фундаментально-антропологическое свойство;

б) в представлении об этнических группах («этнотах») как автономных субъектах общественных отношений и как субъектах права.

Советский академический мейнстрим, которому наследовали интеллектуальные элиты новой России, опирался, по существу, на сталинское наследие в понимании «национального вопроса». Сталинское определение нации, в методологическом плане основанное на примордиализме и позитивизме, получило у корифеев отечественного обществознания своеобразное развитие, превратившись в «теорию этноса». Ее классиком был академик Юлиан Бромлей, долгое время возглавлявший Институт этнографии Академии наук СССР. «Этнос», понятый как квазиестественное («социобиологическое») образование, выступал у Бромлея в качестве первичного звена в исторической цепочке. Человеческие сообщества рассматривались как различные воплощения «этнота» или как различные стадии «этногенеза». В переусложненном и противоречивом словаре Ю. Бромлея наряду с «этнотом в широком смысле», или «этносоциальным организмом», встречаются такие выражения, как «собственно этнос», или «этнос в узком смысле». Различные исторические сообщества (от племен до наций) суть «этносоциальные организмы», однако их границы не совпадают с границами «собственно этноса».

Другой крупный авторитет в отечественной «теории этноса» — Лев Гумилев. В отличие от Бромлея, Гумилев отбросил реверансы в сторону марксизма-ленинизма и практически отказался от тезиса о социальной природе человеческих сообществ. Он стал трактовать этносы, по существу, как биологические образования. Помимо обычных черт, присущих природным организмам (причем не только животного, но и растительного мира), этносы наделены у Гумилева мифической способностью усваивать и перерабатывать энергию, получаемую из внешней среды — «пассионарностью». Ослабление или утрата этой способности влекут за собой либо исчезновение этноса, либо его деграцию, превращение в элемент природной среды. Такой этнос становится объектом паразитирования со стороны более «пассионарного» этноса. Взаимодействие между этносом-паразитом и этносом-хозяином описывается в таких терминах как «жизненный цикл», «повышенная потребность в питании», «изменение биохимии организма» и т. д.

Картина мира, созданная Гумилевым, произвела огромное впечатление на целую генерацию советских, а затем и постсоветских читателей.¹⁰ Популярная форма изложения способствовала гигантским тиражам, какими книги Гумилева продаются в течение последних пятнадцати лет. Под влиянием «теории этноса», восходящей к Бромлею и/или Гумилеву, сегодня находится большинство университетских кафедр в России, что определяет социализацию следующих поколений обществоведов и направленность учебников.

Неудивительно, что для большинства участников публичных дебатов в России (от экспертов до журналистов) нация — это либо этнос, либо продукт его эволюции.

В этой ситуации распространение политической модели нации в высшей степени проблематично, а попытки его введения наталкиваются на жесткую оппозицию. Когда с тезисом о нации как согражданстве выступил Валерий Тишков, на него обрушился шквал критики. Нерусские элиты и политические активисты усмотрели во введении политического понятия нации угрозу растворения «этносов» в русском «суперэтносе»¹¹, а русские националисты указали на опасность размывания русской этнической идентичности в аморфной общности.¹²

То обстоятельство, что «этнос» функционирует в российском политическом мышлении в качестве когнитивной рамки, влечет за собой далеко идущее эпистемологическое следствие. Разноуровневые социальные проблемы осмысляются как одноуровневые этнические («национальные») проблемы, а социальные отношения — как отношения между этносами. В результате наблюдателям везде мерещится «национальный вопрос». И проблематика взаимоотношений между федеральным центром и национальными республиками (например, между Москвой и Казанью или Москвой и Уфой), и Чеченская война, и проблемы иммиграции, и вопросы, связанные с организацией школьного образования на иных, нежели русский, языках, — все воспринимается в качестве различных проявлений «национального вопроса». Поскольку политическое пространство мыслится как пространство столкновения интересов различных «этносов» («народов», «национальностей», «национальных групп»), участники дискуссий вязнут в контрпродуктивных спорах. В частности, одной из наиболее горячо обсуждаемых проблем стал вопрос о том, какой народ или какие народы следует считать «государствообразующим» («государствообразующими»), а также о том, какой

10 О приключениях теории Гумилева в российской университетской науке см.: Ушакин С. Жизненные силы русской трагедии: о постсоветских теориях этноса // *Ab imregio*. 4 / 2005.

11 Абдулатипов Р. Г. Сущность нации-этноса: ответ сторонникам безнациональности. М., 1999.

12 См.: Баграмов Э. Нация как согражданство? К оценке новой государственной концепции // *Независимая газета*. 1994. 15 марта; См. также: Баграмов Э. А. Национальные идеи в евразийском контексте // *Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений* / Отв. ред. А. Н. Сахаров и В. А. Михайлов. М.: Наука, 1997. С. 64–88; Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм // *Свободная мысль*. 1996. № 6.

народ на той или иной территории (например, в Якутии или Башкортостане) является «коренным» и какие, соответственно, «некоренными» народами. В то же время *не тематизируются узловые проблемы социальной коммуникации* — в частности, явная и неявная дискриминация граждан по этническому (языковому, конфессиональному) признаку. Хотя именно дискриминация, т. е. неравный доступ разных групп населения к власти и ресурсам, является основным источником напряжений в обществе, и именно с дискриминацией следует бороться для того, чтобы эти напряжения устранить или смягчить, участники российских публичных дискуссий предпочитают *правовому* языку недискриминации *моралистический* язык толерантности.

Отсутствию интереса к проблематике дискриминации соответствует нежелание пользоваться термином «национальное / этническое меньшинство». В академическом дискурсе термин «национальные меньшинства» встречается крайне редко. В каталоге Российской государственной библиотеки находится менее 70 источников (включая авторефераты диссертаций) по этой теме. При этом в большей части этих публикаций интересующая нас тема рассматривается: а) применительно к Китаю, Канаде и государствам Балканского полуострова; б) в контексте проблематики международного права; в) в историческом контексте (например, одна работа посвящена образовательной и просветительской работе среди национальных меньшинств Томской губернии в 1920-е годы. Что касается национальных (этнических) меньшинств в современной России, то эта тема затрагивается почти исключительно в отношении коренных малочисленных народов крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Похоже, что термин «меньшинство» отторгается российским дискурсом из-за его имплицитной иерархичности. Вопрос о меньшинствах применительно к этническим группам — это вопрос об их статусе. На *федеративном* уровне меньшинствами следует считать все нерусские группы, что неприемлемо для татарских, чувашских и других этнических элит, рассматривающих термин «меньшинство» как указание на подчиненное положение тех, кто к нему отнесен, по отношению к тем, кто отнесен к большинству.¹³ На уровне «*национальных республик*» фактическая принадлежность к меньшинству или большинству зависит от демографической структуры населения. Это порождает множество коллизий, связанных с символическим статусом. Во-первых, этнически русское население в этих республиках (по крайней мере, политические активисты, претендующие на его представительство) не готово принять такое самоназвание. Во-вторых, в 15-ти из 21-ой национальной республики титульная группа в численном отношении является

13 Отсюда проистекает конвенция, согласно которой «национальными меньшинствами» в России называют этнические группы, не имеющие «своих» национально-территориальных образований. См.: Malakhov V., Osipov A. The Category of “Minorities” in the Russian Federation: Reflection on Uses and Misuses // International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea / Editor-in-Chief Sia Spiliopoulou Akermark. Marienhamn, Åland, Finland: Ålands Islands Peace Research Institute, 2006. P. 497–544.

меньшинством. Еще более болезненно признание своей немногочисленности титульными группами в национальных округах и областях.¹⁴ В-третьих, есть национальные республики, в которых титульная группа находится в сопоставимом численном отношении к нетитульным группам (татары, русские и башкиры в Татарстане, якуты и русские в Якутии). В-четвертых, в некоторых национальных республиках вообще нет одной группы, выступающей в качестве титульной (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия), а в Дагестане — более тридцати этнических сообществ, причем некоторые наиболее многочисленные из них (аварцы, лезгины, лакцы) соперничают друг с другом за лидерство.

Итак, понятие меньшинства выступает в российских дискуссиях, с одной стороны, не столько как правовая, сколько как моральная категория. С другой стороны, это правовое понятие часто трактуется как эмпирическое. Такая трактовка характерна, к сожалению, не только для обыденного сознания, но и для сознания экспертов. Например, среди них довольно популярно мнение, что российских евреев, армян и греков не следует называть меньшинствами на том (эмпирическом) основании, что они никак не ущемлены ни юридически, ни материально, а категория «меньшинство» предполагает отношение неравенства.¹⁵

Этноцентричная когнитивная рамка задает весьма специфический способ восприятия иммиграции. Рациональное обсуждение проблем, связанных с иммиграцией, вытесняется эмоциональными дискуссиями на тему «этнокультурной безопасности» (эвфемизм «чистоты нации»). На этом фоне принимаются рестриктивные законы о миграции, о положении иностранных граждан и о гражданстве. Одинокие голоса экспертов, указывающих на негативное влияние такого законодательства на демографическую ситуацию и экономическое развитие, тонут в хоре политических предпринимателей, рассматривающих иммиграцию исключительно сквозь призму угрозы.¹⁶

Наконец, этническая модель нации порождает такой невнятный концепт, как «соотечественники». Под этим словом, как правило, понимают не только и не столько российских граждан, живущих за границей, а этнических русских, оказавшихся после 1992 года за пределами Российской Федерации. Данный концепт, равно и родственные ему выражения — «этнические соотечественники» и «этнические россияне», представляет собой закомуфлиро-

14 Например, на Чукотке чукчи составляют 12 %, а в Ханты-Мансийском округе ханты и манси — 1 % от всего населения.

15 См. Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. А. Михайлов. М.: Наука, 1997.

16 См.: Витковская Г. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской, А. Малашенко. М.: Моск. Центр Карнеги, 1999. С. 151–191; Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж. А. Зайнчковской. М.: Комплекс-Прогресс, 1999; Миграция и рынки труда в постсоветской России. М.: Московский центр Карнеги, 1998; Чернышева О. Законодательные амнистии для незаконных иммигрантов: может ли западный опыт быть полезен для России? // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002. С. 213–226.

ванный вариант теории «разделенного народа». Ориентация на эту теорию вступает в противоречие с фактом признания Россией суверенитета новых государств, возникших после роспуска СССР.

В течение 1990-х годов на российском интеллектуальном поле сложилась следующая диспозиция.

Либералы, трактующие нацию как по преимуществу политическую категорию. Протагонистами этого подхода являются, помимо уже упомянутого Валерия Тишкова,¹⁷ академик Никита Моисеев, философы Вадим Межуев, Петр Щедровицкий и некоторые другие заметные фигуры.¹⁸ При этом и Тишков, и его единомышленники подчеркивают, что понимание нации как согражданства не означает редукции национальной общности к формально-юридической.¹⁹

Либералам противостояли три группы, которым, при всех идеологических различиях между ними, в методологическом отношении свойствен этноцентризм.

Этноплюралисты. Адепты этой позиции энергично настаивают на определении российского государства как «многонационального». К этой группе можно отнести Рамазана Абдулатипова, Сергея Арутюнова, Леокадию Дробизеву, Михаила Губогло, Веналия Амелина²⁰. Некоторые из сторонников

17 В начале 1990х годов В. Тишков, возглавивший после смерти Бромлея Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, на короткое время стал обладателем министерского портфеля (с февраля по ноябрь 1992 он был председателем Госкомитета по делам национальностей). После своей отставки он остался директором ИЭиА. В этом качестве В. Тишков организовал большое количество конференций и выпустил немало новаторских публикаций (тиражи которых, к сожалению, обычно не превышают 2 тысяч экземпляров). См.: Национальная политика в Российской Федерации. Материалы международной научной конференции (Липки, сентябрь 1992) / Ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1993; Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. / Ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1994; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

18 См.: Моисеев Н. Время определить национальные идеи // Россия на новом рубеже. М. Горбачев-фонд, Издательство «Апрель-1985», 1995. С. 13–38; Межуев В. М. Нация и государство // Россия на новом рубеже. М. Горбачев-фонд, Издательство «Апрель-1985», 1995. С. 133–153; Щедровицкий П. Русский мир: прогрессивная империя и культурный империализм // «Со-общение», 1999, № 1.

19 Российская нация, как не устает повторять В. Тишков, — это сложившаяся социокультурная целостность. Задача состоит теперь в том, чтобы — посредством прививки бывшим советским людям демократического правового сознания и других гражданских добродетелей — превратить культурную нацию в политическую нацию. См. Тишков В. А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). С. 17–27.

20 Абдулатипов Р. Г. О федеративной и национальной политике Российского государства. М.: Славянский диалог, 1995; Арутюнов С. А. НКА не может стать альтернативой территориальной автономии // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. М., 1998; Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним кры-

этноплюрализма выражают готовность адаптировать к России политические практики, известные под именем «мультикультурализм».²¹

Нациостроители. Суть этой позиции заключается в том, что после 1991 года у России возник шанс завершить незавершенный проект строительства нации. Если количество этнических русских в бывшем СССР составляло чуть больше половины населения, то в современной России их 82 %, а это значит, что они могут построить национальное государство в этническом смысле слова «нация». Данная позиция включает в себя множество нюансов: от либеральных националистов (таких, как руководитель Фонда «Политика» Вячеслав Никонов) и романтических этноцентристов (таких, как Александр Солженицын) до расистов (таких, как глава «Центра по комплексному изучению русской нации» Евгений Троицкий).²² Строительство *этнонации*, на которое ориентирована данная идеология, либо полностью игнорирует полиэтничность российского населения, либо вводит иерархию этнических групп: символический (а иногда и юридически закрепленный) приоритет этнически русского населения как «государствообразующего народа» перед остальными.

Империалисты. В отличие от «нациостроителей», империалисты не готовы смириться с отпадением от России окраин, которые она удерживала как во времена Романовых, так и при коммунистах. Русская нация немыслима вне империи. Территория бывшего СССР есть часть территории исторической России и должна быть полностью или частично восстановлена. Среди протагонистов этой позиции больше политиков, чем интеллектуалов, хотя многие из них охотно подвизаются на публицистическом и академическом поприще. Это Владимир Жириновский, Александр Дугин, Сергей Бабурин, Алексей Подберезкин, а также менее известный, но очень активный Андрей Савельев.²³

лом? Размышления о законотворчестве в сфере межгосударственных отношений. М., РАН, ЦИМО, 2000; Дробижина Л. М. (ред.). Национальное сознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994; Она же. Возможность либерального национализма // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко, М. Б. Олкотт; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000. С. 77–94; Амелин В. В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

21 Арутюнов С. А. Федерализм, этничность и политика аффирмативных действий // Профессионалы за сотрудничество. М., 1998. Вып. 2. С. 15–25; Дробижина Л. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Academia, 2002. С. 9; Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2003; Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–75.

22 См.: Солженицын А. И. «Русский вопрос» в конце XX века // Новый мир. 1994. № 7. С. 135–176; Троицкий Е. (сост.) Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М.: АКИРН, 1995.

23 См.: Жириновский В. В. Иван, запахни душу! М.: ЛДПР, 2003; Бабурин С. Н. От Российской Федерации к Российскому Союзу // Он же. Территория государства: пра-

(Что касается идеологии «либеральной империи», запущенной в публичный оборот Анатолием Чубайсом и поддержанной целым рядом авторов, то здесь империя – скорее культурная идиома, чем политический проект²⁴.)

III

Влияние общественных дебатов на то, что и как говорят чиновники, достаточно опосредованно. Выделим несколько принципиальных моментов.

Во-первых, российскому официальному дискурсу свойственно неохотное употребление термина «нация». Чиновники разного уровня вплоть до недавнего времени старательно избегали этого слова, предпочитая ему более привычное и более нейтральное – «народ». Например, термин «нация» ни разу не встречается в «Концепции государственной национальной политики» (1996). Крайне редко он проскальзывал в речи высших лиц государства.²⁵ Правда, в течение последних полутора-двух лет обозначился достаточно глубокий дискурсивный сдвиг.²⁶

Во-вторых, в словаре чиновников практически отсутствует понятие «меньшинство». Соответственно, они неохотно говорят о проблемах дискриминации, что с лихвой компенсируется горячим интересом к проблемам «толерантности», «диалога культур» и т. д.²⁷

В-третьих, бюрократический дискурс крайне *эклeктичен*. Официальные документы, излагающие «национальную политику» государства, представляют собой коллаж, составленный из разнородных фрагментов. Иногда это происходит по той банальной причине, что разные фрагменты вышли из-под пера разных экспертов. Так, в тексте «Концепции» несложно вычленил пассажи, появлением которых мы обязаны В. Тишкову, с одной стороны, и Р. Аб-

вовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1997. С. 451–475; Неизбежность империи. Сб. по проблемам российской государственности / Под ред. А. Н. Савельева. М., 1996;

24 Популяризаторами этой идиомы выступают российские редакторы международного журнала *Ab imperio*. См.: Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.

25 Впервые слово нация в значении совокупности граждан России прозвучало в послании президента Ельцина Федеральному собранию в феврале 1994 г. См.: Российская газета. 1994. 25 февраля.

26 Вспомним только о «национальных проектах» в экономике и социальной сфере, о федеральной программе «Здоровье нации» и т. д.

27 Несколько лет назад существовала даже федеральная программа под названием «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Она была принята Правительством – по инициативе Президента – в августе 2001 г. (через два года после начала второй военной кампании в Чечне). Программа была рассчитана на 5 лет (до 2005 г. включительно) и предусматривала затраты на общую сумму около 400 млн руб. Расходовать эти средства предполагалась в основном на финансирование исследовательских проектов и учебных программ. Была досрочно прекращена решением Правительства РФ в мае 2004 г.

дулатипову, с другой. Заслугой первого является то, что в «Концепцию» перенесены базисные положения Конституции, которые, в свою очередь, в основных чертах воспроизводят формулировки Декларации о суверенитете Российской Федерации (1990) и Декларации о правах и свободах человека и гражданина (1991). Это, в частности, положения о равенстве граждан перед законом — независимо от их «расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям», о запрете «любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности», а также такая важная норма, как «право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения». Под влиянием же Абдулатипова в текст «Концепции» попали положения о «сотрудничестве народов», «объединяющей роли русского народа», «этнических россиянах»²⁸, «развитии национальной самобытности и традиций взаимодействия

славянских, тюркских, кавказских, финно-угорских, монгольских и других народов России в рамках евразийского национально-культурного пространства» и т. д.

Чиновники, ответственные за проведение «национальной политики», маневрируют, строя свою речь таким образом, чтобы их высказывания не поддавались однозначному толкованию. Непре-

В СЛОВАРЕ ЧИНОВНИКОВ ПРАКТИЧЕСКИ ОТСУТСТВУЕТ ПОНЯТИЕ «МЕНЬШИНСТВО». СООТВЕТСТВЕННО, ОНИ НЕОХОТНО ГОВОРЯТ О ПРОБЛЕМАХ ДИСКРИМИНАЦИИ

взойденный мастер такого маневрирования — Владимир Зорин.²⁹

В докторской диссертации, защищенной чиновником в 2003 г., можно прочесть:

Полноправными субъектами национальной политики [...] являются все без исключения российские *этносы*. Точно также все *нации* и *этнические группы* страны в равной степени являются *государствообразующими народами* Российской Федерации, что отнюдь не преуменьшает исторической роли *русского народа* — стержня государственности, собирателя российских земель и перво создателя общего государства.³⁰

²⁸ Это странное словосочетание дважды встречается в части VI «Концепции».

²⁹ Зорин Владимир Юрьевич был последним российским чиновником, отвечавшим за состояние «межнациональных отношений». После того, как в октябре 2001 г. Министерство по делам национальностей было ликвидировано, он занимал пост министра без портфеля — до тех пор, пока в феврале 2004 г. под сокращение не попала и эта должность.

³⁰ Зорин В. И. Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ. Автореферат диссертации на соискание степени доктора политических наук. М.: РАГС, 2003. С. 39. (Курсив мой. — В. М.)

Помимо непроясненности значений употребляемых терминов (этносы, народы, этнические группы, русский народ), в данном пассаже любопытна одна деталь. Это казуистика, с помощью которой автор надеется выйти из концептуального тупика, в который попадает каждый, кто всерьез вовлекается в дискуссию о «государствообразующем народе». Этот квазивопрс В. Зорин решает через введение новой иерархии. С одной стороны, все без исключения народы России — «государствообразующие» (и в этом смысле — равны); тем самым автор как будто ответил русским националистам, настаивавшим на особом статусе русского народа. С другой стороны, русский народ в представлении Зорина — первый среди равных, поскольку является «стержнем» и «первосоздателем» государства.

Зорину, как и многим другим чиновникам, свойственно нечеткое использование терминов — их смысл постоянно «плывет», иногда меняясь в пределах одного высказывания. «Национальная» политика незаметно перетекает в «федеративную», и наоборот, «национальные меньшинства» и «коренные малочисленные народы» употребляются то как синонимы, то как разные понятия. Тексты Зорина местами представляют собой простой набор лозунгов, семантической несовместимости которых автор как будто не замечает: «сохранение единства и целостности территории» и «самоопределение наций», «обретение российским народом и государственной властью новой идентичности России» (буквально так) и «задачи многонационального содружества», готовность «развивать гражданское общество» и приверженность «равноправию народов».³¹

Отдельного разговора заслуживают публичные выступления высшего лица государства.

Время от времени в речи Путина «нация» мелькает в политическом значении этого слова. Оно появилось, в частности, в Послании Федеральному собранию 2000 года, с которым Путин выступил вскоре после официального утверждения в должности президента. Говоря о тревожном демографическом спаде, могущем привести к уменьшению через 15 лет населения страны на 22 млн. человек, глава государства сказал:

Я прошу вдуматься в эту цифру: седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость *нации* окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей *нацией*.³²

Затем слово «нация» надолго исчезает из речи президента и вновь возникает четыре года спустя, причем в выступлении менее значимом. Это было вступительное слово на «Рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений» в Чебоксарах (Республика Чувашия) в 2004 году. Здесь было сказано буквально следующее:

³¹ Там же. С. 38. См. также: Зорин В. Ю. Национальная политика в России: История, проблемы, перспективы // Полис. 2003.

³² http://www.kremlin.ru/appears/2001/04/03/0000_type63372_28514.shtml (Курсивы мои. — В. М.)

Еще в советские времена говорили о *единой общности*—советском *народе*. И были под этим определенные основания. Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о *российском народе* как о *единой нации*. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных *этносов* и религий в России ощущают себя действительно *единым народом*. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего *общества* и всего *государства*. Мы обязаны сохранить и укрепить наше *национальное историческое единство*.³³

Внимательно читая тексты Посланий, нельзя не заметить специальной работы их составителей по взвешенности, сбалансированности словаря. Употребляются все ожидаемые слова понемножку: граждане, население, народ, общество, гражданское общество, россияне. Приведем полностью уже цитированный пассаж из первого Послания:

Нас, *граждан России*, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность *населения страны* в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе, реальной работе людей, которые в этом разбираются, этому посвятили всю свою жизнь, уже через 15 лет *россиян* может стать меньше на 22 миллиона человек.

Просматривается и достаточно четкая расстановка приоритетов. Слово «народ» используется как обозначение совокупности граждан. Что касается этнического измерения этого понятия, то вся проблематика, с ним связанная, выводится из политической сферы в сферу культуры. Так, в Послании 2005 г., в связи с 60-летием победы в Великой Отечественной войне, говорится:

Наш *народ* сражался против рабства, сражался за право жить на своей земле, за право говорить *на родном языке*, иметь свою государственность, культуру и *традиции*. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстаивал свое право на самостоятельное развитие.³⁴

Впрочем, среди спичрайтеров Президента, очевидно, попадаются и сторонники более привычной лексики. Например, в Послании 2003 г. прозвучало:

Хотел бы напомнить: на всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг. Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни. Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уни-

33 http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_type63374type63378_60337.shtml. (Курсивы мои—В. М.)

34 http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type82634_87049.shtml.

кального сообщества *народов* при сильных позициях страны в мире — это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего *народа*.³⁵

Как бы то ни было, лица, принимающие решения, сегодня не говорят о «национальной политике» как о регулировании «межнациональных отношений». Такое говорение некоторое время оставалось уделом чиновников, которым это регулирование было поручено. Однако после демонтажа соответствующей властной структуры — Министерства по делам национальностей³⁶ — объемы и интенсивность этого говорения заметно сократились. В последние пять лет специалисты практически ушли с этого поля³⁷, оставив его на откуп разного рода политическим активистам, делающим свой символический капитал на постановке «национального вопроса».

IV

Если понимать под политикой деятельность по принятию коллективно обязывающих решений, то в демократическом государстве «национальной политики» как отдельной сферы деятельности существовать не может. Существуют, разумеется, вопросы, связанные с защитой национальных меньшинств, включая аборигенные группы, но они регулируются специальным законодательством. В российском случае это Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» (1999). Что касается поддержки государством этнокультурных запросов граждан, то доступ этнических меньшинств к образованию на родном языке, присутствие нерусских языков в СМИ и другого рода возможности развития недоминирующих культур (музеи, библиотеки, книгоиздание, фестивали, исследовательские цен-

35 http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372_44623.shtml. (Курсивы мои. — В. М.)

36 Данная структура возникла в начале 1992 года и называлась «Государственный комитет по национальной политике» (как в СССР). В марте 1993 она получила имя «Госкомитет по делам федерации и национальностей». В январе 1994 г. — в результате слияния этого комитета с Госкомитетом по социально-экономическому развитию Севера — было образовано Министерство по делам национальностей и *региональной политике*. В марте 1996 года оно вновь было переименовано и стало называться Министерство по делам национальностей и *федеративным отношениям*. В течение следующих пяти лет оно меняет название еще четырежды. Сначала — на Министерство региональной и национальной политики, затем — на Министерство национальной политики (Рамазан Абдулатипов получил тогда скромную должность «министр национальной политики»; при этом он имел статус вице-преьера), затем — на Министерство по делам федерации и национальностей, затем — на Министерство по делам федерации, национальной и *миграционной политике*. В октябре 2001 г. Министерство было упразднено.

37 Этот уход обусловлен не столько ликвидацией специального ведомства, курирующего «национальную политику», сколько ясными сигналами власти, показывающими, что с национально-территориальными образованиями она будет обращаться точно так же, как с остальными субъектами федерации.

тры и т. д.) гарантируется законами о языке³⁸ и об образовании (1992, новая редакция 1997), а также о национально-культурной автономии (1996, поправки 2003–2004). К тому же никто не отменял «национально-территориальных образований», во многих из которых язык титульной группы считается государственным. Таким образом, от реликта советской эпохи под названием «национальная политика» можно было бы отказаться.

Этого, однако, не происходит. Хотя на уровне действий власть фактически отказалась от практик, ассоциирующихся с «национальной политикой», на уровне слов последняя все еще существует. Объявлено даже о подготовке ее новой «Концепции», которую поручено провести Министерству регионального развития. Почему? На мой взгляд, тому несколько причин.

1. Инерция политического мышления. Старая риторика используется потому, что она привычна. Отказ от нее потребовал бы радикального пересмотра концептуальных схем, отказа от устоявшихся стереотипов восприятия — короче говоря, к взлому когнитивных рамок, к которому правящие группы явно не готовы.

2. Существование многочисленного отряда элит, символический капитал которых непосредственно связан с этой сферой деятельности (или, если угодно, с ее имитацией). Для специалистов по регулированию межнациональных отношений, никакой иной специальностью не владеющих, развенчание соответствующей мифологии означало бы утрату статуса.

3. Нерешенные проблемы с легитимностью власти. Риторические упражнения с «национальным вопросом» отвечают ожиданиям населения. Российские граждане верят в то, что в системе социального взаимодействия существует особая область «межнациональных» отношений, субъектами которых выступают этносы (народы, национальности). Они приучены к мысли, что во избежание обострения этих отношений необходимы специальные усилия, т. е. национальная политика, которая, будучи успешной, ведет к «сотрудничеству народов», к их «дружбе», к «межнациональному согласию» и т. д. В одночасье расстаться с этой риторикой означало бы обмануть ожидания граждан.

Поэтому в речевой деятельности, которая и составляет главное содержание «национальной политики» государства, представители последнего стараются задействовать как можно большее количество регистров. Одновременно адресуясь к разным группам населения, они посылают разные сигналы. Они говорят о России как о «многоконфессиональной» и в то же время — как о «православной» стране, подчеркивают «многонациональность» российского государства и вместе с тем прибегают к формуле о «русском народе» как стержне государственности.

4. К выделенному выше пункту можно добавить и более сильное соображение. Осознавая собственную шаткость — обусловленную все той же нелеги-

³⁸ Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» (1991) в редакции 1998 г. звучит как закон «О языках народов Российской Федерации».

тимностью³⁹ — правящий класс прибегает «национальный вопрос» на черный день. В случае угрозы массового консолидированного протеста вряд ли отыщется лучший способ нарушить эту консолидацию, чем педалирование «национального вопроса». То, что он «обостряется» не сам по себе, а посредством определенных манипуляций, низы могут и не увидеть, зато они наверняка обратят взор вверх, где находится сила, способная это обострение купировать.

39 См.: Фурман Д. Политическая система современной России // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2003. С. 24–34.